

Однако ни в ЦК КПЧ, ни в чехословацком правительстве, ни в Национальном собрании, ни в канцелярии президента не было силы, способной на это... Вспомните ненасильственное сопротивление нашего народа военной интервенции, и его требование возвращения в страну руководства партии и правительства (они были увезены в Москву после вторжения. — Ред.)...

Результаты вторжения показали, что при принятии решения о военном вмешательстве не считались даже с мнением влиятельных коммунистических партий...

Напомню, что после заседания шести партий в Братиславе (менее чем за три недели до вторжения в Чехословакию) я уполномочил Алоиза Индру и Драгомира Кольдера (тогда они были секретарями ЦК КПЧ), выступавших в 1968 г. в поддержку Программы действий, представить предложения по реализации решений этого заседания. Однако они не выработали их до вторжения войск пяти стран Варшавского договора. Почему? Более того, я был арестован определенной группой сотрудников госбезопасности по приказу Индры. Таким образом, была исчерпана и предложенная на братиславском заседании возможность решить наши проблемы внутренними силами...

Можете вы рассказать о наиболее драматическом моменте в вашей личной судьбе в первые трагические недели, последовавшие за вторжением войск в Чехословакию?

Дубчек: Прошу вас, не спрашивайте меня об этом...

Братислава, октябрь 1987 г.

Милан Гибл

ДЕРЗОСТЬ ИЛИ НЕВЕЖЕСТВО?*

Пражскую весну нельзя отделить от имени Александра Дубчека, как нельзя отделить XX съезд КПСС от фигуры Никиты Хрущева, проводимую сейчас в СССР перестройку от Михаила Горбачева, революцию в Китае от Мао Цзэдуна, великий террор 30-х годов от имени Сталина", — пишет Рой Медведев и продолжает: „Мне думается, что, характеризуя чехословацкие события, следует отметить, с одной стороны, мужество, а с другой, — политическую слепоту; с одной стороны — энтузиазм и эйфорию, отказ от догм и стереотипов Готвальда и Новотного, а с другой, — неумение продумать и точно сформулировать прогнозы, учесть международное положение Чехословакии и ее место в социалистическом лагере".¹

Рой Медведев — не пустослов типа Козлова („Новое время"), со взглядами которого даже не стоит полемизировать. Медведев — автор работ о советской истории, завоевавших широкую известность. Поэтому меня удивляет и настораживает тот факт, что он, не пытаясь объяснить сложнейший исторический процесс, стремится затушевать действительность всяческими оговорками. Разве причиной поражения Пражской весны не было прежде всего пренебрежение брежневского руководства внутренними условиями Чехословакии, predeterminedными ее историей, демократическими политическими традициями и достигнутым в стране уровнем цивилизации и культуры, а также попрание суверенитета и права чехословацкого народа самостоятельно решать, какими путями осуществлять политические, демократические и общественные перемены в своей стране. Только

* Комментарий Гибла был также напечатан в органе ИКП „Унита" 1 марта 1988 г. — Ред.

с учетом этого факта можно обсуждать все то, о чем говорит Медведев...

Недавно мое внимание привлекло другое интервью Медведева — о необходимости реабилитации Бухарина („Шпигель”, № 52, 1987). Его усилия в этом направлении, наконец-то, увенчались успехом, пусть через 50 лет после казни Бухарина. В Чехословакии движение за реабилитацию жертв сталинских репрессий 50-х годов началось после XX съезда КПСС и стало еще более активным после XXII съезда. Медведев с грустью отмечает, что Хрущеву не удалось добиться реабилитации Бухарина из-за сопротивления Сулова и большинства других членов Политбюро. В Чехословакии же именно в то время были приняты важнейшие меры по пересмотру политических процессов 50-х годов. Первоначально работала комиссия Барака,² которая саботировала реабилитацию. Но в 1963 г. ее сменила комиссия Кольдера,³ и в результате деятельности этой комиссии многие невинно осужденные были реабилитированы по гражданской линии, поскольку все еще не хватало храбрости на политическую реабилитацию. Затем была создана Барнабитская комиссия.⁴ В центре ее внимания были осужденные по обвинению в „словацком буржуазном национализме”. Несмотря на упорное сопротивление нескольких членов этой комиссии (В. Биляка, Б. Лаштовички, П. Ауэрсперга и др.), Барнабитская комиссия вынесла свой отчет на обсуждение ЦК КПЧ и добилась его утверждения (хотя и с некоторыми изменениями и сокращениями). Это был первый успех в процессе реабилитации невинно осужденных... В 1968 г. была создана комиссия Пиллера,⁵ которая продолжила эту работу. В свою очередь — комиссия Пиллера рассмотрела нарушения законности (в том числе на процессах против некоммунистов) и предложила меры по выработке институциональных гарантий против возможностей такого рода нарушений законов в будущем. Все эти мероприятия были, однако, сведены на нет военным вторжением 21 августа 1968 г. Более того, с этого дня начался новый период, когда людей, на протяжении многих лет выступавших за пересмотр политических судебных процессов и реабилитацию невинно осужденных, стали исключать из партии, увольнять с работы, лишать возможности устроиться на работу по специальности, а некоторых из нас даже

репрессировали. Рой Медведев пишет, что мы должны каяться в том, что не учли международное положение Чехословакии и ее место в социалистическом лагере. Не лучше ли было бы Медведеву поставить вопрос, как восстановить справедливость — не только по отношению к Бухарину, но и к тем, кто стал жертвой сталинских репрессий в Чехословакии и в других странах? Или он мерит на разные аршины: на один у себя дома, а на другой — в губернии? Но в мире действует единая метрическая система, и Медведеву следовало бы сверить свой аршин с международным эталоном.

Так ли уж мы были слепы, издав на словацком языке роман Пастернака „Доктор Живаго” весной 1969 г. (чешский набор романа был к тому времени уничтожен)? Пристало ли независимому советскому автору читать нам за это наставления, тем более сейчас, когда этот роман, наконец-то разрешили напечатать и в СССР?

Разве не удивительно, что „ни Андрей Сахаров и никто другой после девятнадцати с лишним лет оккупации нашей страны не сочли чехословацкий вопрос достаточно важным, чтобы потребовать в своих выступлениях, интервью или статьях вывода советских войск из Чехословакии и политического решения чехословацкой проблемы?”,⁶ что и Рой Медведев не в состоянии отнести идеи „гласности” и „перестройки” к Чехословакии?⁷

Упрекать чехословацкое руководство в том, что в 1968 г. в стране господствовал „хаос”, весьма легко — в Чехословакии действовало тогда 17 молодежных организаций!⁸ В настоящее время — по данным „Правды” — в Советском Союзе действуют более 30 тысяч различных неформальных объединений. Следует отметить, что в Чехословакии ни одно объединение (которые, собственно, даже и не успели сформироваться) не имело столь реакционной черносотенной программы, какую выдвигает „Память”, выступающая против заговора масонов и сионистов. В чехословацком „хаосе” ничего подобного не было. Напротив, только после военного вторжения в стране стали циркулировать переведенные с русского „Белая книга”⁹ и брошюра „Осторожно, сионизм”, которые объясняли Пражскую весну как результат сионистско-масонского заговора. Для того же, чтобы обвинить

человека в сионизме, достаточно было одной немецкой буквы в фамилии (как в моей, несмотря на мое, прошу прощения, чисто арийское происхождение).*

Разве может принизить значение XX съезда КПСС тот факт, что в среде советской интеллигенции после первоначального потрясения настала реформистская эйфория и что на „основе довольно наивных идей там возникли и активизировались левые течения“?¹⁰ Разве советскую „перестройку“ и „гласность“ компрометирует тот факт, что нынешняя интеллигенция, по словам Сторожевского, характеризуется определенным упадком аналитического мышления? Когда советские писатели задают вопрос „кто виноват?“, то, по Распутину, виновата европейская цивилизация и урбанизация, по Астафьеву, корень зла — в евреях, а по Айтматову — за всем скрывается рука дьявола.

В Чехословакии в 1968 г. высказывались различные, часто и непродуманные взгляды, но там не было никого одержимого мракобесием распутинского типа или расизмом астафьевского типа. Почему же проводники Пражской весны все еще должны носить железные маски, скрывающие их человеческие лица?..

Рой Медведев менторским тоном повторяет старые фразы о Пражской весне. Чем это вызвано? Невежеством, дерзостью, нежеланием признать, что в других странах раньше попытались найти выход из состояния окаменения и застоя? В любом случае — ничего положительного в этих заявлениях нет. Неверным было и решение польской „Политики“ напечатать такого рода заявление без комментариев. Возможно, что стремление заполнить „белые пятна“ в истории Польши, принявшей участие во вторжении пяти стран Варшавского договора в Чехословакию, касается лишь некоторых исторических событий, тогда как это черное пятно на чехословацко-польских отношениях может и впредь оставаться несмытым, поскольку оно не оскорбляет „польский гонор“...

Чехословакия — не Бухария, и мы не намерены полвека ждать реабилитации нашего прошлого.

Прага, 5 февраля 1988 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 „Политика“, № 5, стр. 2, Варшава 1988 — Обр. пер. с чешского. — Ред.
- 2 Рудольф Барак — министр внутренних дел ЧССР с 1953 по 1961 г.
- 3 Драгомир Кольдер — с 1962 г. член политбюро и секретарь ЦК КПЧ.
- 4 В здании бывшего барнабитского монастыря хранится архив КПЧ.
- 5 Ян Пиллер — в 1968 г. — был членом политбюро ЦК КПЧ.
- 6 Франтишек Яноух, „Листы“, № 6, стр. 31, 1987 г.
- 7 К выводу советских войск из стран Восточной Европы призывает Юрий Орлов на страницах этой книги „Проблем Восточной Европы“ — см. стр. 177.
- 8 „...Во время случайного разговора со студентами на одной из пражских улиц Горбачев (в ходе визита в ЧССР в 1987 г. — Ред.) сказал, что, когда он был в Праге в 1969 г., он увидел, насколько сложным было положение в Чехословакии. „В Чехословакии, — сказал Горбачев, — было 17 молодежных организаций, короче, — хаос, такой же хаос, как в головах молодых людей“. З. Млинарж, „Горбачев в объятиях Брежнева“, „Проблемы Восточной Европы“, № 19—20, Нью-Йорк, 1987 г.
- 9 „К событиям в Чехословакии“, публикация пресс-группы советских журналистов, Москва, 1968 г.
- 10 Б. Сторожевский, „Листы“, стр. 19, № 6, 1987 г.

* По-чешски фамилия автора — Hübl. — Ред.